

Я прожила две короткие жизни, и только одного человека любила, и только один человек любил меня. Время, проведённое с ней, было настолько коротким, что я сама не знаю, насколько глубоко были мои чувства. Мы действительно серьёзно размышляли о будущем, но наши мечты о будущем и реальное будущее были совершенно разными. У нас обоих было мужество, чтобы принять это неизвестное будущее, но это мужество оказалось ничтожным перед лицом истории. Всё, что у нас было, было мелким и хрупким, незначительным перед историей, судьбой и даже матушкой.

Всё, что у нас было, не имело никакого значения.

Матушка молча смотрела на меня, а затем, спустя долгое время, вытерла слёзы в уголках моих глаз и тихо сказала:

— Когда выйдешь за ворота дворца, хорошо проводи своего старшего брата.

Я подняла на неё глаза:

— Матушка не хочет его увидеть?

Матушка спокойно ответила:

— Можно увидеть, можно и не видеть.

Как будто в ответ на её слова, Гао Яньфу вошёл снаружи, украдкой взглянул на матушку, затем на меня, хотел что-то сказать, но промолчал. Услышав, как матушка сказала: «Говори, если есть дело», он быстро опустил на колени и громко произнёс:

— Князь Лулин перед отъездом хочет увидеть императрицу и принцессу.

Матушка подняла брови:

— Только это?

Гао Яньфу ответил:

— Князь Лулин говорит, что он знает, что совершил тяжкие грехи, и должен глубоко раскаяться, немедленно отправившись в путь, чтобы искупить свои прегрешения. Однако путь предстоит долгий, а императрица уже в годах, и принцесса ещё молода. Князь Лулин не может не беспокоиться, поэтому хочет перед отъездом ещё раз увидеться, чтобы исполнить долг сына и старшего брата.

Эти слова явно не были произнесены Ли Жуюем. Просьба о встрече перед отъездом, намеренно сказанная так трогательно, явно скрывала что-то ещё.

Моё сердце словно ожило, забившись сначала один раз, затем ещё и ещё, пока не начало биться всё быстрее. Я с надеждой посмотрела на матушку и увидела, что на её лице появилось немного жалости, но она ещё не согласилась. Я опустилась на колени, обняла её ноги и, подняв лицо, умоляла:

— Матушка, увидься с братом.

Матушка наконец вздохнула и кивнула:

— Пусть войдут.

Ли Жуй вошёл с лицом, полным слёз. Князь Лулин был первого ранга, ниже, чем его прежние титулы князя Дая и князя Цзи, поэтому он надел старую, не слишком роскошную одежду. Одежда была старой, а он был в том возрасте, когда быстро растёшь, поэтому она ему не подходила. Вэй Хуань просто надела старую одежду, которую носила до замужества, и завернула Шоули в старую одежду Ли Жуя, следуя за ним.

Матушка снова села на трон, держа на руках Ли Даня, и приказала мне встать рядом. Ли Жуй был вынужден поклониться Ли Даню, его уныние усилилось, и он медленно подполз к трону, тихо произнеся:

— Матушка.

И заплакал, обняв её колени. Матушка погладила его по голове и, глядя на Вэй Хуань, которая последовала за ним, сказала:

— Эрлан долгое время был в столице и никогда не выезжал. Если на пути возникнут какие-то неудобства, ты должна заботиться о нём и не лениться.

Вэй Хуань поклонилась, и матушка добавила:

— Ты всегда знала правила, поэтому в деталях нет нужды говорить. Я уже приказала построить загородный дворец в Лулине, и когда вы прибудете, сможете жить там. Все расходы будут покрываться из казны. Если возникнут другие вопросы, ты можешь написать через цыши, и я узнаю.

Вэй Хуань просто согласилась, а затем, держа Шоули, поклонилась матушке. Матушка приказала принести Шоули к ней, осмотрела его и сказала:

— Хорошо.

Затем она махнула рукой, чтобы Ли Жуя увели, её лицо выражало усталость, и она, похоже, не хотела больше говорить.

Я знала, что Вэй Хуань, устроив эту встречу, наверняка что-то задумала, и с момента её появления не сводила с неё глаз, ожидая какого-то намёка. Но она смотрела прямо, не отводя взгляда, и только сейчас сказала:

— Есть несколько мелких вещей, которые были подарены покойным императором и императрицей. Теперь, когда обстоятельства изменились, они мне больше не нужны. Эрлан считает, что лучше оставить их Эрнян, с позволения императрицы.

Пока она говорила, слуги поднесли маленькую шкатулку, открыли её и показали матушке. Матушка взглянула, слегка кивнула, и слуги передали шкатулку мне.

В шкатулке было пять украшений, хотя и ценных, но не особо редких. Только серебряная шкатулка с узором фэйюй заставила моё сердце забиться. Я не знала, что внутри, и не осмелилась открыть её сразу, поэтому взяла только шкатулку и спросила Вэй Хуань:

— Эта шкатулка очень изящна и такая маленькая, её легко носить с собой. Ты точно не хочешь оставить её себе?

Вэй Хуань ответила:

— Уезжая из столицы, лучше брать как можно меньше вещей. Даже мелкие вещи, если нужно, лучше оставить.

Она помолчала, а затем добавила:

— Если оставить её Эрнян, она не будет забыта.

Я смутно поняла намёк Вэй Хуань, моё сердце забилося ещё сильнее, но я также стала более нерешительной. Держа шкатулку в руках, я сжимала её, боясь, что матушка заметит, и взяла другие украшения, чтобы рассмотреть их — при внимательном осмотре я заметила, что каждое из них было очень скромным, без намёка на современную роскошь, именно то, что мне всегда нравилось.

Матушка, увидев, что мне нравится, снова взяла шкатулку, осмотрела её и небрежно сказала:

— Ничего особо ценного, ты, как княгиня Лулин, можешь носить их без нарушения правил. Можешь оставить их себе.

Я поспешно ответила:

— У невестки добрые намерения, я не могу отказаться, оставлю их как память.

Вэй Хуань также сказала:

— Виновные должны быть скромны и бережливы, размышлять о своих ошибках и не стремиться к роскоши.

Матушка больше не говорила, а Вэй Хуань добавила:

— Неизвестно, когда мы снова увидимся. Эрлан и я не сможем заботиться о императрице, поэтому все дела поручаем Эрнян. У Эрнян слабое здоровье, в делах нужно думать о матери, беречь себя и не быть такой капризной, как раньше.

Она сжала мою руку и глубоко посмотрела на меня, её взгляд был полон решимости.

[Авторское примечание: Глупый автор только сейчас осознал, что имя дешёвого отца Тайпин — Ли Чэнцзун, а не Ли Чэнцун... Кажется, тогда были комментарии читателей... Как же я медленно соображаю... В любом случае, исправлю. _(зъ∠)_.]

..... Давно не публиковал свои большие научно-популярные (сплетни) заметки, так что вот вам одна.....

Насчёт утверждения, что «в Тан не было верных слуг», очевидно, что это ложный тезис. Если открыть танские заметки, там будут различные разделы о преданности, верности, сыновней почтительности. Среди важных сановников есть знаменитый Чжан Сюнь (не будем рассматривать темы людоедства и неравенства полов), среди простых людей — Ань Цзиньцзан (кажется, так его звали), который предпочёл смерть ложным показаниям и вспорол себе живот, чтобы доказать свою честность, а также различные верные убийцы, помощники, учёные...

Лично я считаю, что этот процесс, как и утверждение «после XX не стало Китая», относится к типу «не разобравшись, так ли это, сначала спрашивают, почему».

(На самом деле, изучая историю, даже в самые мрачные времена традиции ханьской культуры

никогда не прерывались. Исторические течения не могут быть описаны одной семьёй, одним родом или одним человеком в одно время. Следы истории повсюду, доказывая её саму, здесь не буду углубляться.)

Но почему же сложилось впечатление, что «в Тан не было верных слуг»?

На мой взгляд, во-первых, потому что люди Тан, особенно ранней Тан, пережившие смуту, ещё не до конца осознали концепцию «государства» (читая танскую поэзию, можно заметить, что чувство национальной гордости усиливалось к середине и концу династии).

Во-вторых, потому что люди Тан чрезвычайно ценили семью, род, поэтому часто пренебрегали императорским домом и двором ради своих малых семей.

В-третьих, в ранний период Тан было много внутренних конфликтов в императорской семье, в средний и поздний периоды частая смена императоров и серьёзная сепаратистская деятельность военных губернаторов привели к распространению обычая служить своему господину, а не государству, отсюда и такое впечатление.

В-четвёртых, люди Тан находились под влиянием обычаев кочевников, внешние связи были очень активны, поэтому атмосфера была довольно открытой, терпимой, прагматичной. Кроме того, гражданские и военные ещё не полностью разделились (форма гражданской и военной придворной одежды была в основном схожа, гражданские и военные чиновники все ездили верхом, литераторы носили мечи, служили в армии, командовали войсками, свободный переход между гражданскими и военными должностями при дворе), индивидуализм и свободомыслие были более распространены, чем в последующие эпохи, коллективное понятие «государства» не было таким сильным.

В-пятых, императорская власть не была такой централизованной, как в последующие времена, и не могла породить навязчивой идентификации с верностью.

В-шестых, многие из тех, кто критиковал танцев за отсутствие верных слуг, и тех, кто критиковал сунцев за отсутствие способных генералов, были литераторами эпох Мин и Цин, которые, рассуждая о древности, намекали на современность, сожалея о том, чего им не хватало.

Личное мнение, вот и всё.]

<http://bllate.org/book/16278/1466978>